

11 МАЯ 1988

◆ ТАГАНРОГСКАЯ ПРАВДА ◆

„ЯРМАРКА ЖИЗНИ“

О премьере спектакля „Женитьба Белугина“ по пьесе

А. Н. Островского народного театра Дома работников просвещения

В ОТ из-за яркого занавеса неожиданно и игриво показались один сапог, потом другой, за ним мелькнула женская туфелька, и театр постепенно стал раскручивать пружину действия, развивающегося весело и стремительно.

Действие с разбегу принимало напряженный колорит: купец Андрей Белугин отказывал в любви той, которой еще до того, как открылся занавес, очевидно, обещал свою жизнь... Он полюбил другую и ничто уже не могло удержать его...

А повал избраницца, прекрасная Елена смеялась над ним вместе со своею маменькой, страдающей мигренью и непомерным выпитием к денежным знакам.

Рвал в клочки бумажные страсти поклонник Елены Агшин, уговаривая ее на нежелательный брак с Белугиным и незаконное сожительство с ним, Агшиным.

Металась от одного к другому Елена, страдая от своей внутренней порядочности и отсутствия любви к Белугину...

А мамаша стригла купоны с Белугиным, хлестала шампанское и разухабисто распевала цыганские романсы...

«Очи черные, очи жгучие...» — издавалась музыка над представленным на сцене балаганом.

Перед нами звенела и сверкала «ярмарка жизни», шумная и пестрая по своим краскам, во многом определяющая характерные особенности комедии Островского.

И классика предстала неожиданным ракурсом, мы увидели Островского-сатирика, но не мрачного, а веселого, торжествующего, подчас озорного, умеющего обличать общественное зло во имя светлого, доброго начала, таящегося в жизни.

Как замечательно почувствовал постановщик спектакля Б. Потик истинную природу драматургии Островского и сумел в игре актеров объединить, казалось бы, две несовместимые возможности: детальную бытовую и психологическую разработку человеческих характеров персонажей с протесковыми, почти плакатными красками.

И само действие, комедия, сохраняя жизненную достоверность, дерзало в открывшуюся буффонаду, как это, например, происходило в сценах объяснения Агшина с Еленой.

Интересна работа ведущего артиста театра Валентина Ходыкина в роли Агшина, особенно выразительная в своей пластической завершенности внешнего рисунка. Каждый раз в объяснении с Еленой актер применял порывистую, стелющуюся пластику, агрессивную неожиданность жеста. Голос его то по-бытовому сварливый (в разговоре с Белугиным), то переходящий к показным певучим стенаниям (в сценах объяснения с Еленой, в разговоре с Ниной Александровной, матерью Елены).

Постоянная внутренняя возбужденность, готовность отбить, одержать верх выражалась в особой повадке животного, принимающего позы устремления, психологически давящие на противника. Ходыкин создал образ хищника циничного и беспощадного.

...В центре спектакля четверо: любовный треугольник — Белугин (А. Кулишов), Елена (С. Сидорова), Агшин (В. Ходыкин); в ярмарке жизни участвует и Нина Александровна (Л. Миникова).

В этом спектакле, в отличие

от роли, отведенной ей Островским, Нина Александровна выходит вперед в качестве своеобразного режиссера; именно она — идейный наставник Елены. Так сегодня трактуют театр и актриса эту роль. И Миникова ведет свою партию уверенно и до отчаяния дерзко.

Елену играет молодая актриса Светлана Сидорова. Это все же лишь ее вторая роль в этом театре. В прошлом сезоне она сыграла роль в спектакле «Долгожданный», но она тогда не бросилась в глаза. А вот прошел год... и актрису не узнать...

Сидорова на протяжении спектакля точно прослеживает пробуждение живой натуры своей героини от начальной до финальной стадии в последнем акте, когда Елена выпрямляется во весь рост и под влиянием, чем завладевшего ею чувства смело решает свою будущую судьбу.

В ее Елене много неподдельного обаяния, свежести, молодости. Ей свойственна особая душевная осторожность, придающая своеобразное обаяние ее нежному образу и вместе с тем лишающая ее способности отдаться порывам сильного чувства, заставляет смотреть все время на себя со стороны, словно проверяя мыслью каждое свое душевное движение.

В зарождающейся любви к Белугину больше сострадания и участливой нежности друга, чем страстного влечения. Несмотря на то, что пьеса заканчивается благополучно, и Елена наконец делает выбор, она принадлежит к числу «невольниц», которых собственный мир не выпускает из своих цепких объятий, какие бы изменения ни совершались в ее личной судьбе.

И в этом драматург видел драму своей героини, прекрасную. Но понимая, что это была не только ее личная, но и обще-

ственная драма.

Образно эта мысль реализуется в сцене «выбора» Елены, когда оба поклонника попеременно ведут ее в танце, словно пытаясь вырвать ее из рук соперника.

Центральный герой пьесы и спектакля Андрей Белугин. Эту роль исполняют два актера — Александр Кулишов и Владислав Ветров.

Необычен этот образ у Островского. Мы привыкли к лощеным, шпильным и сильным «поклонникам», кокунающим красоту и талант, таким, как Великатов и Дулебов («Таланты и поклонники»), Паратов («Бесприданница»), Прибытков («Последняя жертва»).

В отношении Андрея Белугина к Елене, на наш взгляд, Островский прослеживает обратную реакцию.

И постановщик, и исполнитель роли Белугина точно это осознали. Казалось бы, что на сцене должен происходить неравный поединок между беспомощной Еленой и всемогущим покровителем Белугиным.

Островский делает эксперимент и меняет героев местами. В результате «всесильный» оказывается слабее «беспомощной» в силу своей нравственной чистоты. Елена оказывается сильнее Белугина в своей хиппической жизненной ориентации. Аморальны не только те, кто покупает, но и те, кого покупают, кто вступает в сделку с совестью.

Александр Кулишов так играет своего Белугина, что у не-

го быт просветляется позцией его безраздельного чувства к Елене. В его Белугине живет неистребимая потребность в душевной чистоте, в правдивых человеческих отношениях.

Артист наполняет образ напряженным драматизмом и внутренним пафосом. Чувства Белугина—Кулишова спрятаны очень глубоко (сказывается опыт работы над чеховским Ивановым), только иногда на поверхности прорываются отдельные знаки, говорящие о том, что в его душевной заводи возникают свои подводные движения.

Но если Белугин Кулишова зрелый, взрослый мужчина, много понявший в жизни, прекрасно сознающий, какая игра происходит вокруг него, если он молчит лишь до поры до времени, пока откровенно не оскорбляют его нравственного чувства, то Белугин Ветрова совсем еще мальчик — юный, хрупкий, порывистый, с душой тонкой и ранимой.

Кажется, что он слишком хорош в своем простодушии и даже физически не создан для того, чтобы противостоять миру делового цинизма.

У Белугина—Ветрова не только реальность превалирует над всеми другими чувствами, но и задетое чувство нравственной чистоты.

Такой Белугин радостно и готовно открыт для окружающих и не способен поверить в человеческую пошлость и подлость. Тем страшнее для него измена Елены, потому что вместе с крушением кумира рушится его вера в людей.

Кажется, что Ветров слишком рафинирован для образа Белугина, но при таком прочтении Островского герой в то же время приобретает драматизм и внутреннюю динамику, а также

проявляется своеобразие драматургии Островского, где зачастую комедия переходит в трагедию.

Таким образом, спектакль новаторский не только по линии всей идейно-художественной концепции, но и в пересмыслении образного строя пьесы.

Кроме главных действующих лиц, остальные персонажи формируют общественную среду, окружающую основных участников разыгрываемой драмы жизни. В то же время они позволяют создать эмоционально повышенную атмосферу «ярмарки жизни».

Во всяком случае, на наш взгляд, театру удалось главное: смыть глицея хрестоматийного представления о пьесе, о великом русском драматурге А. Н. Островском, как о бытописателе, создающем пестрые картины из прошлой жизни.

В этом смысле театр идет в общем русле исканий советского театра. Все в этой постановке, начиная с актерского исполнения, кончая прекрасными декорациями Николая Кузнецова и танцами, поставленными Ниной Барыбиной, играло и переливалось сверкающей цветовой гаммой. Все было дано крупным планом, с резко подчеркнутыми пластическими деталями, в приемах художественной гиперболы, театрального преувеличения, как будто зритель смотрел спектакль через увеличительное стекло, поставленное перед ним режиссером.

Пожалуй, такое творческое переосмысление классики можно рассматривать как новый, более зрелый в художественном и идейном отношении этап развития народного театра Дома работников просвещения, руководимого режиссером, гражданнином, ветераном Великой Отечественной войны Борисом Осиповичем Потником.

Г. ЛЕОНИДОВА.
Театровед.